

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ КУЗЬМИНА КИРИЛЛА ЕВГЕНЬЕВИЧА
«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ 1931–1945 ГГ. В КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ»,
по специальности 5.6.2. Всеобщая история
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Диссертационное исследование Кузьмина Кирилла Евгеньевича посвящено очень интересной и актуальной теме – проблеме исторической памяти как важного фактора общественного мнения и инструмента государственной политики при формировании внутренней и внешней политики современного государства. Важную роль в последние годы историческая память играет в политике Китайской Народной Республики, и особое внимание уделяется японской агрессии. Можно согласиться с утверждением о том, что «китайско-японские отношения на сегодняшний момент являются важнейшим элементом системы региональных международных отношений в АТР и мировой политики в целом», однако проблема «исторической памяти» «не позволяет двум странам прийти к полноценной нормализации отношений» (с. 3).

Вводная часть диссертационного исследования соответствует всем необходимым требованиям. Здесь убедительно представлена научная новизна исследования. В разделе степень изученности темы диссертант доказал, «что исследования исторической памяти являются сложившимся направлением, которое в настоящее время проходит этап мощнейшего развития» (с. 8). Также здесь указывается, что отечественная историография «развивается по собственному, отличающемуся от западной историографии пути по причине особенностей исторического и политического развития государства» (с. 10-11). Далее, диссертант подробно представил отечественную историографию китайско-японской войны 1931-1945 гг. и достаточно полно показал зарубежную историографию, в первую очередь работы китайских авторов. Во введении четко определены объект и предмет, цель и задачи работы, грамотно сформулированы хронологические рамки, с разделением на два этапа. Говоря о территориальных рамках исследования, диссертант совершенно справедливо исключил из них Китайскую Республику на Тайване. В разделе «Эмпирическая база исследования» диссертант кратко представил систематизацию письменных источников, положенных в основу работы. Можно согласиться с

утверждением о том, что «Препятствием является недостаток источников ввиду определенной закрытости... общества в КНР... источники изучения мнения рядовых граждан, как и сама историческая память, находятся под контролем ударственно-партийного аппарата» (с. 31).

Структура работы вполне обоснована, обусловлена целями и задачами исследования. Текст диссертационного исследования разбит на три главы по проблемно-хронологическому принципу. Первая глава носит проблемно-теоретический характер, посвящена «исторической памяти, как проблеме и предмету исследований». Во второй главе рассматривается история китайско-японских отношений в 1931-1945 гг., при этом отдельный параграф отведен предыстории проблемы. Третья глава является основной, в ней представлен собственно весь комплекс проблем, связанных с «исторической памятью в китайско-японских отношениях в 1945-2022 гг.». Рассмотрение этих проблем ведется по этапам, в хронологической последовательности, в соответствии с принципом историзма и в соответствии со страноведческим подходом. В заключительном разделе диссертации подводятся итоги исследования, формулируются аргументированные и убедительные выводы. Достаточно полный, грамотно оформленным и хорошо систематизированным является список источников и литературы.

Нам представляются очень ценными выводы, к которым пришел исследователь при решении проблемы актуализации «исторической памяти». В частности, он справедливо указывает, что для решения задач модернизации экономики «КПК и правительство Китая переориентировались с марксистских идеологических концептов на патриотизм с элементами китайского национализма, в основу которого была заложена история Китая как платформа для общественного объединения» (с. 142).

В диссертации успешно показано, как через открытие музеев происходила «институционализация памяти о войне». Диссертант справедливо относит актуализацию «исторической памяти» к первой половине 1980-х гг. В представленном исследовании показана и современная ситуация, когда «происходит определенная трансформация характера конструкта японо-китайской войны в контексте «великого возрождения китайской нации»... помимо памяти жертвы в политике Китая возникла память победителя» (с. 149).

Можно констатировать, что К.Е. Кузьмин справился с решением задач, поставленных перед диссертационным исследованием. Диссертант выбрал для исследования актуальную для исторической науки тему. Все выносимые на защиту положения достоверны и обоснованы, степень их новизны не вызывает сомнений. Исследование опирается на широкую источниковую базу.

Особую ценность представляют результаты исследования, представленные в параграфе «Историческая память в Китае и Японии в 1945–2022 гг.: особенности развития». Важным и успешным является обращение диссертанта к проблеме содержания учебников, как важному фактору внутривосточной борьбы и международных отношений.

К.Е. Кузьмин свободно владеет материалом, хорошо аргументирует свою позицию. Глубина исследования позволяет не только формулировать свои умозаключения, но и убедительно отстаивать предложенные тезисы. Диссертация вводит в научный оборот большой объем фактического материала, значительная часть которого выявлена в англоязычных публикациях западного, китайского и японского происхождения, и переведена диссертантом на русский язык. В работе также использованы источники, переведённые с китайского и японского языков.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на спорные моменты, высказать замечания и предложения.

В работе много раз встречается словосочетание «китайский национализм», хотелось бы увидеть развернутую характеристику этого понятия.

По нашему мнению, в историографическом обзоре недостаточно внимания уделено специальному исследованию по данной теме – коллективной монографии «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями». Рекомендуем показать сильные и слабые стороны этого обобщающего исследования, обосновать свою позицию в случае ее несовпадения с позицией авторов данной работы.

В зарубежной историографии говорится о «работах китайских авторов», живущих как в КНР, так и других странах. Возникает вопрос по китайским авторам, работающим в России.

Во введении и в первой главе имеет место повторение или наложение проблем. Например, при рассмотрении работ М. Хальбвакса, западных философов и т. д. Рекомендуем бы в историографическом разделе ограничиться собственно вопросами изученности темы, представленной в диссертации, понятийный аппарат рассмотреть в отдельном разделе, а все философские, теоретические исследования и работы, напрямую не касающиеся китайско-японских отношений, рассматривать лишь в первой главе.

Работа строится на письменных источниках, хотя для полноты исследования можно было бы привлечь устные и аудиовизуальные источники. Например, авторские интервью, или памятники и монументы. Нет указаний и на использование делопроизводственной документации. Исходя из того, что целая глава исследования прямо посвящена истории японо-китайских отношений в 1931-1945 гг., необходимо

отметить, в фондах российских архивов, в том числе и в Государственном архиве Иркутской области, имеются документы, отражающие события японо-китайских отношений 1931-1945 гг. Здесь же можно найти и материалы, затрагивающие проблемы исторической памяти в международных отношениях после Второй мировой войны.

В работе неоднократно указывается, что преступления «отряда 731» не стали объектом культурной памяти. Однако этот вопрос спорный, нужны доказательства и объяснения этому феномену.

Утверждение о том, что «К 1931 г. Китай был разобщенным государством» не подтверждается фактами (с. 86), показано, что до 1931 г. был распад, но не говорится, что к 1931 г. наоборот, почти все регионы и политические группировки признали власть правительства в Нанкине. Указание на то, что «Коммунисты...были жестоко подавлены... им пришлось перейти к тактике укрытия в труднодоступных местах» (с. 88) недостаточно для вывода о том, что «в преддверии японского вторжения Китай оказался в состоянии Гражданской войны, существования нескольких центров силы и власти» (с. 89).

В части взрыва поезда с Чжан Цзолинем, диссертант указывает «некоторые историки (в частности, Куроки Хироаки) предполагают, что теракт был организован или спровоцирован Москвой» (с. 91). Однако в российской историографии были работы отечественных исследователей, утверждавших, что эта диверсия была совершена советскими спецслужбами.

Сложно признать уместность утверждения о том, что «Решение Чан Кайши отказаться от переговоров на рубеже 1937–1938 гг. внесло раскол в Гоминьдан» (с. 105). Правильнее указать, что в Китае были политические силы и общественные настроения, недовольные проамериканским курсом Гоминьдана, на кого и пытались делать ставку японские агрессоры, особенно в начале 1930-х гг.

В конце каждой главы желательно делать обобщения и выводы. Например, в параграфе «Японское вторжение в Китай в 1931 г. и развитие конфликта» лишь две страница текста посвящены собственно японской агрессии, а все остальное – внутриполитическим проблемам Японии и Китая, и без всяких выводов, обобщений по агрессии. Диссертант не представляет фактов, которые могли бы повлиять на появление «исторической памяти». В тексте вообще нет упоминаний ни агрессии, ни войны!?!

В работе не указано, были ли на территории Китая судебные процессы над японскими военными преступниками, если не были, то почему.

При рассмотрении проблемы нормализации отношений между Японией и КНР целесообразно затронуть проблему советско-китайского пограничного конфликта 1969 г., как важного фактора китайско-японских отношений.

Неудачно сформулировано утверждение: «визит императора ознаменовал собой начало периода конфликтных отношений между двумя странами» (с. 131), по крайней мере, не приведены факты, подтверждающие его. Очевидно, этот визит явился высшей точкой успешного двухстороннего взаимодействия.

Не вполне убедительным выглядит утверждение о том, что «особое внимание было обращено на тему японо-китайской войны» потому, что в 1980-х гг. она «была не столь отдалена по времени от данного периода», тем более, самой активной частью общества, поддержавшей эту политику, как указывает диссертант, было студенчество.

Мы полагаем, что для сравнительного анализа можно было бы привести примеры проблем исторической памяти в русско-японских отношениях.

Приведенные замечания не умаляют достоинств представленного к защите диссертационного исследования, связаны в большей части с содержанием не направленной на решение основных задач, поставленных перед диссертационным исследованием второй главы. Замечания носят рекомендательный характер или предлагаются для дискуссии.

Таким образом, работа К.Е. Кузьмина является полноценным самостоятельным историческим исследованием, выполненным на высоком профессиональном уровне. Обоснованность и достоверность каждого из полученных положений и выводов не вызывают сомнения, как и научная новизна полученных результатов. Работа характеризуется внутренним единством своей структуры. Полученные результаты соответствуют поставленным цели и задачам.

Данное исследование не только поднимает на более высокий уровень степень изученности истории Китая, Японии и китайско-японских отношений, но и вносит значительный вклад изучение глобальных проблем новейшей истории. Приведенные в диссертации выводы и рекомендации имеют большое значение для науки и практики. Представленная к защите работа написана грамотно, ее оформление полностью соответствует предъявленным требованиям.

Основные результаты исследования апробированы в научных публикациях автора, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК. Автореферат диссертации отражает содержание и основные положения исследования.

Диссертационная работа «Историческая память о событиях 1931–1945 гг. в китайско-японских отношениях: государственная политика и общественное мнение» является самостоятельной научно-квалифицированной работой, соответствующей критериям и требованиям, установленным в п. 9 Положения «О порядке присуждения ученых степеней» (от 24.09.2013 г. №842), а ее автор, Кузьмин Кирилл Евгеньевич,

заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности
5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент
профессор кафедры истории России,
мировых и региональных цивилизаций
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Сибирский федеральный университет»
(660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79;
(391)206-22-22; www.sfu-kras.ru; office@sfu-kras.ru),
доктор исторических наук
(07.00.03 – Всеобщая история),
профессор
Дацышен Владимир Григорьевич
10.04.2024

ФГАОУ ВО СФУ
Подпись *Дацышен* заверяю
Делопроизводитель
«17 АПР 2024 20 г.

